

КОНОВНИЦЫНЫ

в России и изгнании

Коновницыны в России и в изгнании

Православное издательство "Сатисъ"

2014

Коновницыны в России и в изгнании / Православное издательство
"Сатись", 2014

ISBN 978-5-7868-0157-7

В книге «Коновницыны в России и в изгнании» рассказывается об истории одного из славных родов русского дворянства и его представителях, сыгравших заметную роль в истории нашего отечества. Сохранены авторские орфография и пунктуация.

ISBN 978-5-7868-0157-7

, 2014
© Православное издательство
"Сатись", 2014

Содержание

Гр. П.А. Коновницын. История моей жизни	6
Предисловие	6
Кярово	7
1913 год	9
Начало войны	10
Дядя Мануша	12
Пажеский корпус	13
«Великая бескровная»	16
Отречение	19
Голгофа Царской Семьи	22
Керенский	24
Арест	27
Большевицкий переворот	29
Во власти ЧК	31
Петроград	37
Набег	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коновницыны в России и в изгнании

© П.А. Коновницын, Е.А. Коновницына. 2014

© Издательство «Сатисъ» оригинал-макет, оформление. 2014

Гр. П.А. Коновницын. История моей жизни

Предисловие

Эта книга содержит в себе мемуары графа Петра Алексеевича Коновницына, прямого потомка и правнука генерала Петра Петровича Коновницына, получившего графский титул для себя и своих потомков от Императора Александра I за героические подвиги во время Бородинского сражения и за воинские заслуги до и после Бородинского боя. Ему также была пожалована шпага, усыпанная бриллиантами с надписью «За сражение противу французов».

За мемуарами следует краткое «Приложение», которое является продолжением мемуаров и дополнением к ним уже после кончины Петра Алексеевича в 1965 году, в Лос-Анджелесе и с того момента, когда его записи заканчиваются. «Приложение» краткое потому, что мы старались выпустить эту книгу к празднованию 200-летия Бородинского боя и победы над Наполеоном, а возраст у нас уже преклонный и это нелегкий труд для нас.

Потомки графа Петра Петровича крепко чтят его память и преклонялись перед его подвигами и трудами. Величая его потомков «графами», выражают почтение именно их предку.

Правда, потомки за границей сохранили Православие, передали своим детям и внукам родной русский язык, привили им любовь к исторической России и с честью пронесли свое имя в эмиграции.

Все поколение возраста наших родителей пережило тяжелую трагедию революции, потерю своей родины России, расставание с родными, которых они больше никогда не увидели. Жили на чужой земле, оплакивая свою горькую судьбу. На самом деле оправдалось по Некрасову:

...и горек кусок подаянного хлеба,
и жестки ступени чужого крыльца...

Хотя они на самом деле зарабатывали свой кусок хлеба, и зачастую тяжелым физическим трудом, помня, что никакой честный труд не позорит человека.

Несмотря на тяжелые и неблагоприятные условия жизни, сын Петра Алексеевича, Алексей Петрович, принимал участие в устройстве монархических собраний в русской колонии и читал свои доклады, печатался в приходском журнале (и сейчас пишет в «Нашей стране», единственном монархическом печатном органе на все зарубежье) на исторические темы, всегда освещая русскую монархию в свете правды и любви.

Мы благодарим Петра Ефимовича Гребельского, кавалера ордена Святой Анны 2-й степени, и его многоуважаемую супругу Валерию Михайловну, наших добрых друзей, а также дорогую Елену Емильяновну Смолич за их помощь в подготовке этой книги к печати.

Кярово

*И припомнил я речи другие
И родные поля и леса...*

Чудское озеро в летние солнечные дни имеет зеркально-гладкую поверхность бирюзового цвета. Оно очень большое и напоминает море.

Пологие берега покрыты нежным, как бархат, песком, вода теплая и очень приятно купаться.

Вдоль берега несколько серых рыбацких деревень, за ними к самой воде спускается старая дубовая роща. Вековые дубы причудливой формы раскинули свои мощные ветви.

В озере много рыбы: огромные серебристые сиги, скользкие налимы, колючие ерши и разная другая рыба.

С криком кружатся чайки, а иногда быстро пролетят утки... В непогоду озеро делается свинцового цвета и поднимаются большие волны.

В древние времена на льду этого озера произошло знаменитое Ледовое Побоище.

В двух верстах от берега – уездный город Гдов, который, по преданию, был вдовым уделом Святой княгини Ольги. Остатки крепостного вала, сложенные из валунов, свидетельствуют об их древнем происхождении. Посреди города течет река. На холме – городской сад, собор и тюрьма. На главной улице – лабазная торговля.

Из Гдова к Нарве протянулось широкое шоссе. По сторонам его больше всего лесов, иногда пастбища, пахотные поля, болота. Здесь много всякой дичи: тетеревов, глухарей, уток, рябчиков. Встречаются иногда лоси и медведи. Весной, когда в холодных лужах талого снега отражается вечернее небо, хорошо тянут вальдшнепы. На шестой версте от Гдова шоссе пересекает проселочная дорога к деревне Смуравьево. Кругом поля ржи, ячменя и овса.

Вскоре за деревней начнется аллея из старого леса и закончится у церковной ограды, посреди которой белая каменная церковь с зеленым шпилем.

В церкви, у левого клироса на полу, две мраморные плиты: могила моего прадеда, героя Отечественной войны 1812 года и моей прабабушки. Далее могила моих дедушки и бабушки. Перед могилами икона Казанской Божьей матери в золотой ризе, украшенной бриллиантами. Риза была сооружена после смерти прадеда из его шпаги, пожалованной ему за Бородинский бой. На обратной стороне иконы выгравировано: «Благословение всему роду». Горит лампада... Рядом древнего письма икона Николая Чудотворца с надписью: «Сопутствовала в войнах 1812–1814 годов».

Вокруг церкви фамильное кладбище.

Мимо церкви, между оградой из густых елок, дорога ведет к подъезду большого деревянного двухэтажного дома, а из церковной ограды калитка ведет в сад. Он спускается к реке. На другой стороне реки большой парк. В саду много душистой сирени, липовая беседка, серебристые тополя, а около самого дома – старый дуб, ему насчитывают несколько столетий.

Фамильный дом графов Коновницыных в Кярово.

Из сада через одну веранду можно войти в гостиную, а через другую – в столовую. По праздникам сюда доносится церковное пение. Паркет в гостиной сложен из различных пород дерева и изображает звезды. Мебель тяжелая, из карельской березы. На стенах, в старинных рамах, семейные портреты. В столовой большие диваны из красного дерева и большой круглый стол. Колонны отделяют столовую от библиотеки. В ней много редких книг: в больших кожаных переплетах, с множеством прекрасных гравюр, одно из первых изданий Французской Энциклопедии времен Людовика Шестнадцатого, есть рукописи царствования Федора Иоанновича, а также Российская Вифлеотека, Зерцало Жизни, французская классика, когда-то модные романы, много военных карт и чертежей пушек...

Рядом со столовой кабинет прадеда. В нем мебель Жакоб: красное дерево, бронза и гобелены. На письменном столе бронзовый бюст прадеда. У окна вольтеровское кресло, в углу костыль, которым пользовался прадед после ранения. На стене портрет Александра Первого во весь рост, прекрасные миниатюры и коллекция старинного оружия; кремневые ружья с золотой и серебряной насечкой, кольчуги, старинная сбруя.

Вокруг дома хозяйственные постройки и два фруктовых сада.

Весной, когда цветут яблони и сирень, звонко поют соловьи...

Узкая дорожка мимо церковной ограды и крутого берега реки ведет к мосту и водяной мельнице.

Кругом поля, а за ними березовый лес. В нем много ландышей, земляники и грибов...

Это Кярово, родовое имение графов Коновницыных.

1913 год

Солнечный, теплый, летний день. С утра запрягли тройку в большую парадную карету с семейными гербами на дверцах. Отец и младший брат Шура поехали встречать на пристани озера делегацию от 4-го Копорского полка, которая прибыла возложить венки на могилу своего Шефа, моего прадеда.

После полудня стали съезжаться приглашенные; предводитель дворянства, чиновники из города и помещики. Собралось человек тридцать. Затрезвонили в церкви, и делегация полка: командир полка, старший офицер – подполковник, адъютант, фельдфебель и два унтер-офицера, в парадной форме, – понесла в церковь на бархатной подушке большой серебряный венок из дубовых и лавровых листьев с широкой Георгиевской лентой. Отец в дворянском мундире с орденами, предводитель дворянства, гости и вся наша семья встретили делегацию полка у входа в храм. Крестьяне и крестьянки в праздничных нарядах наполнили церковь и стояли в ограде. Народу собралось так много, что все не смогли поместиться в церкви. После торжественной панихиды, делегация возложила венок на могилу.

Против дома, на лужайке, накрыли столы для гостей, а за церковной оградой устроили угощение для крестьян.

Обед проходил очень оживленно. Когда разлили шампанское в бокалы, отец произнес свой тост:

«Милостивые Государыни и милостивые Государи!

Празднуя в настоящем году истекшее столетие славы Отечественной войны, мы должны, особенно в настоящее время, когда нашей родине России грозит внутренний враг, куда опаснее и сильнее Наполеона, тесно сплотиться и проникнуться славными воспоминаниями доброго старого времени и всего тогда пережитого, чтобы в полном единении со своим Царём поднять на Руси, как прежде, как это делали наши предки, то же чувство беспредельной любви к своему Отечеству, а затем дружно грудью отстоять тот натиск, который готовят нам враги России: инородцы-революционеры, а также русские люди, прикрывающиеся для своей пользы именем патриотов, но творящие зло и неправду. Эти враги желают низвергнуть силу и мощь России – Самодержавного русского Царя, и тем навсегда погубить наше Отечество.

Укрепившись прежде всего в нашей вере православной, мы, в виду грядущих событий, должны с молитвою обратиться к Господу и просить Его: Боже, спаси Россию! Сохрани нам нашего Царя Самодержавного, сохрани нам этот единственный источник правды и справедливости и помоги народу русскому пребывать в полном единогласии, отстранить всякое средостение, чтобы тесно объединиться с Помазанником Твоим, Православным Русским Царем, на благо дорогой всем нам России».

Раздались крики – ура!

Начались тосты. Пили за славный Копорский полк Петровской дивизии, а с лужайки, около церкви, доносились крестьянские песни.

Когда стало смеркаться, гости стали разъезжаться.

Отец приказал снять со стены в гостиной большой портрет Петра Петровича прекрасной работы французского художника и подарил его в офицерское собрание Копорского полка.

Начало войны

Кярово. Жаркий летний день 1914 года. Белое облако лениво плывёт по голубому небу... Обед недавно закончился и все разошлись, кто куда. Отец перешел на веранду в свое любимое место, за маленьким столом, на котором стоял его серебряный подстаканник со стаканом крепкого чая. Его взгляд рассеянно устремился вдаль. Он курит и ждет почту. Наконец послышалось тарыхтение тележки, и на дороге показалась лошадь Сероха – это молочница возвращается с почтой из города.

Я сижу с книгами в кабинете, в вольтеровском кресле, и вижу, как отцу принесли почту. Он открывает «Новое Время» и взволнованным голосом зовет мать: «В Сараево убит террористом сербского происхождения австрийский эрцгерцог, может вспыхнуть война». Я подумал, что это было бы очень интересно, и пошел рассказать об этом старшему брату Коле. Ему эта новость тоже понравилась. Было жарко и мы пошли купаться.

Когда солнце склонилось к западу и длинные лиловые тени легли на дороге, мы решили проехаться верхом. Коля оседлал Мальчика, а я – своего Барса. Полкан, наш любимец – ирландский сеттер, бежал впереди с радостным лаем, от него не отставали Дик и Отрада.

Выезжаем рысью на аллею... Навстречу из деревни едут верхом парни и девки на ночное, в лес. Звонят бубенцы на лошадях, и далеко разносится крестьянская песнь:

Пожалей душа моя желанная
Молодецкого плеча...

Проезжаем деревню и пускаем лошадей в галоп, а потом в карьер. Только свистит ветер в ушах... Вот хорошо, если бы война была в наших краях, мы здесь знаем каждую тропинку. Возвращаемся домой шагом с военными песнями: «Скачут, поют юнкера гвардейской школы, бубны, тарелки, литавры звенят...»

Около конюшни оставляем лошадей Игнату и идём в столовую ужинать. По дороге решаем завтра рано утром идти в лес на тетеревов.

Старшая сестра Наташа, Таня, гувернантка Анна Германовна и младший брат Шура недавно вернулись из леса: они ходили за грибами и принесли полные корзины. В этом году особенно много грибов.

Абажур висячей лампы бросает яркий свет на накрытый стол.

За ужином обсуждаются события; отец рассказывает подробности.

Коля доволен, если начнется война, он в ней может участвовать, хотя при современной военной технике она может и не продлится более чем 3 или 4 месяца. В таком случае он пойдет добровольцем, а офицерские погоны заслужит на войне.

Решено завтра всей семьей ехать в Колодье, к соседям. Отец хочет повидать адмирала Сарычева. Сейчас там гостят фон Бок, подруги сестер и гимназист, приятель Шуры. У них постоянно бывают соседи из Казино, оно очень близко от Колодья. Наверно будет Владислав Мечеславович, он отлично и охотно играет на рояле. Его любимые композиторы Шопен и Лист. Наверно там будет и Стася. Коля к ней, кажется, равнодушен. У нее красивый профиль, нежный цвет лица и большие серые глаза.

Дни бегут. В беззаботную жизнь полную деревенских радостей врывается вихрь грозовой тучи политических событий. Газеты приносят каждый день что-нибудь новое. Австрия предъявила Сербии позорный для нее ультиматум. Сербия просит защиты у России. Россия не могла оставаться равнодушной к ее судьбе и объявила частичную мобилизацию. Германия объявила мобилизацию. Общая мобилизация. Война.

Дядя Мануша

*Лето прошло, цвет в полях опал
И как-то тоскливо стало на душе...*

Петербургское раннее утро конца августа 1914 года.

Моросит холодный дождь и воздух пропитан сыростью. На улицах офицеры в походной форме. С Балтийского вокзала на извозчике мы с Колей поехали к дяде Мануше. Он жил на Саперном переулке, и его квартира была почти напротив нашей. Дядя был холостяк. Рассказывали, что в молодости он увлекся и сделал предложение, но не получил согласия и с тех пор никогда не делал попытки жениться.

Нам открыл дверь Старжук, дядин слуга, бывший гвардейский матрос. Он хорошо знал дядины привычки и был ему незаменим.

На вешалке висела солдатская шинель и шашка. Заметив наш любопытный взгляд, Старжук сказал, что вчера приехал из Москвы наш племянник, Николай Сергеевич. Он хотя и был нашим племянником, но был лет на десять старше меня.

Дядя спал. Он ложился спать обыкновенно с рассветом и вставал очень поздно.

Мы привели себя в порядок с дороги и сели в столовую пить кофе.

Николай Сергеевич уже встал. Он в этом году окончил Лицей и поступил, как и большинство его приятелей, вольноопределяющимся в Сумской гусарский полк. «Конечно, война не может долго продолжаться, наша кавалерия уже в Восточной Пруссии».

Звонок. Пришел гусар, приятель Н. С. Мы познакомились. Он стал показывать купленный клинок для шашки «Волчек» из ковanej стали. Вынул его из ножен и стал сгибать дугой. Они скоро ушли, было ещё много дел перед отъездом. Завтра уезжают на фронт.

Дядя встал к завтраку. Он был высокого роста и полный. Красивые черты лица оттеняла черная седеющая борода. Длинные черные волосы он зачесывал назад. Ему было 68 лет. Он был, как всегда, рад нас видеть. Мы сели завтракать. Пришел к завтраку Владимир Петрович, наш кузен. Ему было лет 30. Он постоянно мерз и кутал ноги в плед. Климат Петербурга ему не нравился и вообще Россию он не любил, считал ее дикой и отсталой. Он жил постоянно в Париже. В Россию он приезжал на два или три месяца в свое имение под Москвой. Проездом он всегда навещал дядю, которого очень любил несмотря на разницу во взглядах. Кузен был очень огорчен, что ему придется остаться в России до конца войны, хотя был, как и большинство, уверен, что война долго не продлится. Дядя говорил, что хотел бы дожить, из любопытства, до конца войны.

Пили кофе в гостиной и Владимир Петрович рассказывал о своих парижских впечатлениях. Незаметно время приблизилось к обеду. После обеда дядя сел в свое кресло с высокой спинкой. Оно стояло в углу у окна. Старжук принёс керосиновую лампу, чтобы не портить глаза. Дядя надел очки, закурил сигару и стал просматривать газеты. «28-го августа, со знаменем 4-го Копорского полка в руках был убит полковник Шильцов, а 23 августа, в бою у Орлау, командир 29-го пехотного Черниговского полка, полковник Алексеев был заколот штыком со знаменем в руках. Полковая святыня старого петровского полка чуть не попала в руки немцам. На крик солдат “Знамя спасём, знамя!” группа, при которой находилось знамя, попала в критическое положение; один офицер сорвал полотнище, георгиевский крест, ленту и с большим трудом вынес знамя...»

Пажеский корпус

На следующее утро мы с Колей поехали на извозчике в Пажеский корпус. Извозчик выехал на Невский проспект и повернул на Садовую улицу. Вот и ворота чугунной решетки корпуса. За ней плац, по сторонам деревья, а в перспективе темно-красное здание корпуса, построенного знаменитым графом Растрелли. Это бывший дворец Екатерининского вельможи графа Воронцова.

Императорский Пажеский Корпус.

При императоре Павле Первом это здание было предоставлено Ордену Мальтийских Рыцарей, гроссмейстером которого был Государь.

Во внутреннем дворе рыцари построили католическую капеллу. В ней около креста, с левой стороны, висел на стене большой портрет Императора Павла Первого в пурпурном бархатном облачении с большим мальтийским вытканым белым крестом на груди. Над входом в капеллу надпись золотыми буквами: «Deo Joannis Baptiste Paulus I Imperator hospitalis decaved».

Пажи съезжаются на извозчиках, некоторые в своих каретах. Мелькают черные пальто с золотыми погонами и Императорскими вензелями. Младшие пажи отчетливо прикладывают руку в белой замшевой перчатке к козырьку фуражки с офицерской кокардой, отдавая честь старшим.

Извозчик останавливает лошадь у подъезда, и мы входим в корпус. Встречая пажей своего класса, Коля с ними целуется. «У нас такая традиция», – говорит он. Мы поднимаемся по лестнице и идем к моему воспитателю в третью роту.

В ротном зале большой портрет Государя в форме лейб-гвардии Гусарского полка: красивый доломан с белым ментиком.

Мой воспитатель подполковник Максимилиан Николаевич фон Крит, или просто Мака, как мы его называем между собой. У него длинные пушистые усы, прическа ёжиком. Он носит

длинные шпоры и курит папиросы из длинного мундштука. Какой-то остряк написал на него стихи:

На третью роту кто ворчит?
Усатый старый Мака Крит.
Кто будет сын его, чтоб знать,
Не надобно о том гадать:
Не будет он политиком,
А будет ясно критиком.

В списки корпуса и в классный журнал меня записали как графа Коновницына 6-го.

В корпусе много русских и иностранных знатных имен. Из Членов Императорской Династии в мое время был князь Федор Александрович. У воспитателя капитана Елагина жил последний принц Палтава. Он учил русский язык и через год должен был поступить в корпус. Посольство из знатнейших представителей его страны привезло принца в Петербург. Это считалось большим дипломатическим успехом русской восточной политики. Два короля были пажами: Король Югославии Александр и Король Сиамский Чакрабон.

В белом зале корпуса, среди портретов Императоров, находился прекрасной работы бронзовый бюст Императора Николая 2-го. Под ним на бронзовой доске, на постаменте, сделана надпись: «Родному корпусу Принц Чакрабон Сиамский. 1898–1902».

Мальтийские рыцари в свое время построили в корпусе православную церковь. Они украсили священные сосуды Мальтийским крестом, а у входа в церковь на мраморной доске с Мальтийским крестом были выгравированы заветы Ордена:

1. Ты будешь верить всему тому, чему учит Церковь и будешь исполнять все Ее предписания.
2. Ты будешь охранять Церковь.
3. Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником.
4. Ты будешь любить страну, в которой ты родился.
5. Ты не отступишь перед врагом.
6. Ты будешь вести с неверными беспощадную и постоянную войну.
7. Ты не будешь лгать и останешься верен данному слову.
8. Ты будешь щедр и будешь всем благотворить.
9. Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла.

Мы себя считали наследниками Мальтийского ордена и его заветов, а белый Мальтийский крест был утвержден Государем как знак корпуса.

Пажи чувствовали себя членами одной семьи, воспитанной в одних и тех же традициях. Это сознание сохраняли и бывшие пажи. В общественных местах пажи подходили здороваться с офицерами, носившими пажеский значок.

До войны Государь обыкновенно каждый год посещал корпус, приходил на уроки, разговаривал с пажами. Провожая Его, пажи долго бежали за Его санями.

Вакансии в гвардию и во все рода оружия сперва предоставлялись пажам, после чего оставшиеся распределялись по всем остальным военным училищам.

С самого начала своего существования корпусу уделяли Государи много внимания. Он отличался от других военно-учебных заведений более расширенной программой, в особенности иностранных языков. В корпус назначался специально отобранный воспитательский и преподавательский персонал.

В списках бывших пажей было много не только храбрых воинов, награжденных высшими боевыми отличиями, но также длинные списки героев, павших на поле чести, и много просвещенных государственных деятелей.

К жизни корпуса я скоро привык и его очень полюбил. В моём классе было 18 человек, и жили мы очень дружно. Утром вставали в 7 часов. Нас будил или барабан или кавалерийская труба. Мы больше любили трубу: сигнал длился дольше и был мелодичнее.

После утренней молитвы в спальне, перед большой иконой Божьей Матери, мы шли строем в столовую пить кофе. Потом час на повторение уроков с часовым перерывом на завтрак и прогулку. После обеда два часа свободных: игры в футбол, в теннис или просто прогулка на плацу. В корпусе был бассейн, где раз в неделю был урок плавания. Был манеж, где учили верховой езде, начиная с шестого класса. По вечерам желающие брали уроки ваяния или музыки. Я увлекся живописью и брал уроки у Александра Богдановича Вилленвальде, сына известного баталиста.

Самым талантливым учеником был князь Николай Голицын. К нашему большому горю, купаясь летом в имении, он утонул.

Во время уроков живописи Александр Богданович держал себя с нами как равный: мы забывали на время военную дисциплину и чувствовали себя в атмосфере художественной богемы, рассказывали фривольные анекдоты, шутили, смеялись.

В феврале 1916 года брата Колю произвели в офицеры. Он вышел вместе с 4-мя пажами в лейб-гвардии Драгунский полк.

В день производства, после молебна, весь корпус выстроили в белом зале. Директор корпуса прочел телеграмму Государя о производстве и поздравил пажей с первым офицерским чином. После этого они переоделись в офицерскую форму.

Вечером праздновали производство в одном из лучших ресторанов Петрограда. Первый тост – за Государя Императора: каждый опускает в бокал шампанского свое кольцо из вороненой стали с золотым ободком – будь тверд, как сталь, и благороден, как золото.

После двухнедельного отпуска они уезжают в маршевые эскадроны, а оттуда на войну.

«Великая бескровная»

Конец февраля 1917 года. Стоят солнечные дни, что в Петрограде бывает не так часто. В полдень капает с кровли.

В городе забастовки заводов и начинаются беспорядки.

Из окон фехтовального зала Пажеского корпуса видны толпы рабочих на Садовой улице и Невском проспекте.

Отец неожиданно приехал с фронта в субботу, и я с ним вечером был в Александринском театре. После спектакля мы с трудом вышли из театра, так как около него собралась огромная толпа и затрудняла выход. Слышны были отрывки произносимых речей и гул одобрения. Полиция была уже бессильна.

На следующий день отец, брат Шура и я пошли обедать на Николаевский вокзал, так как мать была в Кярово всю зиму, а вход в рестораны пажам и кадетам был воспрещён.

Мы шли по Невскому. На тротуарах встречались лужи крови. На улицах было много рабочих.

Вдруг со стороны Адмиралтейства заиграла кавалерийская труба. Мгновенно все люди бросились бежать к дверям или подъездам домов. Мы тоже старались, чувствуя опасность, войти в ближайшую дверь, но привратница хотела ее захлопнуть. Всё же отцу удалось просунуть руку в щель и ей помешать.

Едва мы вошли за дверь, как началась пулеметная стрельба вдоль Невского. Стрелял 9-й запасной Кавалерийский полк. Мы видели из окна, как один старик, перебежавший через улицу, упал, схватившись за живот. Вскоре труба заиграла отбой и стрельба прекратилась. Очень быстро появились кареты скорой помощи и стали подбирать убитых и раненных.

Пообедать нам в этот день не удалось, отец уехал в Кярово, а мы вернулись в корпус. В этот день была уверенность, что войска быстро подавят беспорядки и все успокоится.

На другой день утром ворота корпуса закрыли и поставили для охраны посты из пажей специального класса. Из казарм Павловского полка привезли запас боевых патронов и говорили, что в гимнастическом зале поставили пулемет.

Вечером стали проникать тревожные слухи: говорили о бунтах в запасных гвардейских батальонах. Мы видели из окон корпуса густой дым: на Литейном проспекте горел Окружной суд. Говорили, что революционная толпа освободила заключенных из тюрем...

На вечернюю молитву пришел полковник Фену. «Государь и Россия переживают тяжелые дни», – сказал он. Мы спели «Боже Царя храни» и разошлись по кроватям с тяжелым чувством.

Утром мы увидели, что ворота в корпус открыты, и их никто не охраняет. Мы узнали, что почти весь Петроградский гарнизон перешёл на сторону революционеров. Нам приказали как можно скорее уходить по домам. Большинство стало расходиться. В это время появился слух, что революционная толпа окружила Царскосельский Александровский дворец и угрожает Императрице с больным Наследником и Великими Княжнами. Паж Колэн стал собирать оставшихся, чтобы со знаменем и винтовками идти защищать Царскую Семью. «Пусть мы не дойдем и все по дороге погибнем, но мы должны это сделать».

Внезапно на корпусной плац въехали 6 бронированных автомобилей. Нас, оставшихся человек двадцать, быстро перевели во внутреннее здание в лазарет. Автомобили стали стрелять по корпусу из пулеметов. Они стреляли с перерывами. В один из этих перерывов приполз швейцар и сказал, что меня вызывают к телефону из Смольного института, наверное, сестра, Таня... Я добрался до телефонной будки у швейцарской, но телефонная связь была уже прервана. Я видел, как полковник Фену быстро открыл дверь и вышел на подъезд. Раздался выстрел. Осколком стекла ему поранило лицо. Громким голосом он предложил желающим осмотреть корпус и убедиться, что в корпусе почти никого нет.

«Великая бескровная»

Убедившись, что корпус не может оказывать никакого сопротивления, представители народа удалились, взяв на память вешалки, бобровую шапку преподавателя французского языка М-р Мишеля, благородно заменив ее грязной рабочей кепкой, шуб в то время еще не брали.

После всего описанного я решил ехать к родителям в Кярово и пошел на Балтийский вокзал пешком. Трамваи не ходили, а извозчики исчезли.

Выхожу на Садовую. По улице к Невскому движется густая толпа. Впереди под руки ведут двух окровавленных городских. У одного рана на лбу и лицо залито кровью, у другого лицо в кровоподтеках, он, видимо, сильно избит. За ними едут два казака верхом. Они время от времени бьют городских нагайками. Озверевшая толпа, главным образом женщины, старается их ударить или плюнуть в лицо.

Толпа вынесла меня на Невский. На рельсах лежит перевернутый трамвай. Передние ряды толпы остановились. Приближается воинская часть. Оркестр играет Марсельезу. Впереди на гнедой лошади адмирал. Он ведет отряд Гвардейского экипажа. Матросы идут в ногу, в полном порядке. Развешиваются Георгиевские ленты на бескозырках и красные банты на груди. Толпа приветствует матросов криками и маханием рук. Я очутился в передних рядах, и адмирал проехал совсем близко от меня. Его лицо было очень бледно. Наши глаза встретились. В них можно было прочесть удивление. Меня поразило, что адмирал ведет матросов с красным бантом под звуки Марсельезы, а его видимо поразило увидеть пажа с императорским вензелем в революционной толпе. Пропустив толпу, я опять вернулся на Садовую и пошел к Балтийскому вокзалу.

По дороге в толпе солдат и рабочих попадались женщины в солдатских шинелях с оружием. Около Владимирского собора была слышна пулеметная стрельба.

Наконец я добрался до вокзала. Мимо меня прошел большой отряд Ораниенбаумской пулеметной школы, как я узнал из разговоров в толпе. Впереди отряда бравый прапорщик

с большим красным бантом на груди. Толпа загудела и замахала. Прапорщик поворачивает голову направо и налево и прикладывает руку к папахе, отдавая честь.

Мне пришлось долго ждать поезда на вокзале. Наконец подали состав. Я сажусь в купе, оно быстро наполняется. Студент, гимназист, несколько штатских. Холодно – поезд не отапливается. Я прикидываюсь спящим. Слышу, как завязывается разговор. Рассказывают, как сняли фараонов, то есть полицейских, с колокольни, откуда они стреляли из пулеметов... Государственная Дума, взяла власть в свои руки. «А вы читали воззвание совета рабочих и солдатских депутатов? Сейчас в каждом районе города организовывается комитет...»

Я засыпаю. Просыпаюсь, Нарва. Пересаживаюсь в поезд на Гдов. Теплые вагоны, мало пассажиров. Тихо и спокойно. Революция сюда еще не докатилась. Поезд быстро отходит. Через три часа я в Гдове.

На вокзале я нанимаю крестьянскую тележку и еду в Кярово. Около дома собаки меня встречают веселым лаем. Отец с матерью в столовой, пыхтит самовар. Тихо и тепло. Родители удивлены моим приездом. Газеты не выходят уже несколько дней и здесь никто ничего не знает. Я рассказываю о пережитом. Пью чай с ромом и долго пересказываю подробности.

Отречение

Двадцать восьмого февраля почти весь Петроградский гарнизон присоединился к революционным толпам. Говорили, что революционная толпа движется в Царское Село. Наследник и Великие Княжны были больны корью. Их заразил приятель Наследника, кадет Первого кадетского корпуса, который играл с Наследником во дворце.

По поручению Императрицы, граф Бенкендорф позвонил в Ставку и сообщил, что Государыня очень беспокоится за детей и предлагает выехать с детьми навстречу Государю.

«Ни в коем случае, – сказал Государь, – нельзя возить больных детей поездом. Передайте Бенкендорфу, что Я сам решил ехать в Царское Село».

Генерал Воейков, по приказанию Государя, пошел предупредить начальника штаба генерала Алексеева об отъезде Государя. Он его застал уже в кровати. Когда Алексеев услышал о решении Государя, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой спросил: «А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать батальон, чтобы очищать путь?» – «Если Вы считаете опасным для Государя ехать, Ваш прямой долг мне об этом заявить», – сказал дворцовый комендант, генерал Воейков». «Нет, я ничего не знаю, это я так говорю. Отчего же? Пускай Государь едет... ничего».

Когда Воейков передал Государю содержание разговора с Алексеевым, лицо Государя выразило удивление, а затем сделалось бесконечно грустным.

По прямому проводу Воейков, по распоряжению Государя, переговорил с военным министром генералом Беляевым, который сказал, что положение катастрофическое, что всё правительство и командующий войсками Хабалов совершенно растерялись, и, если не последует энергичного вмешательства, революция примет грандиозные размеры. Относительно высказанного ему опасения за движение толпы в Царское Село, генерал Беляев сказал, что это сведения распространяемые Родзянко. Государь ответил, что им уже послан из Ставки назначенный главнокомандующий Петрограда генерал-адъютант Иванов с Георгиевским батальоном, причем выразил уверенность, что прибытие всеми уважаемого в армии генерала Иванова даст возможность мирным путем разрешить военные беспорядки.

Двадцать восьмого февраля Императорский поезд выехал на Оршу, Вязьму, Лихославль, а генерал Иванов тронулся только на следующее утро, не желая нарушать военного графика. В четыре часа утра выяснилось, что станция Тосно занята революционными войсками. Тогда был изменен маршрут и поезд двинулся на Дно, Псков.

В Пскове Государя встретил генерал-адъютант Рузский со старшими чинами штаба. На другой день Рузский сказал генералу Воейкову, что телеграмма, которую Государь ему накануне передал относительно ответственного министерства, настолько, по его мнению, запоздала, что он её после переговоров с Родзянко даже и не отправил и, что сейчас единственный выход – отречение Государя, с чем согласны и все главнокомандующие войсками, и командующий флотом.

В тот же день было, по приказу генерала Рузского, остановлено движение на Петроград второй кавалерийской дивизии под начальством князя Ю.И. Трубецкого. В тот же день Государю были переданы телеграммы от Великого Князя Николая Николаевича, Эверта, Брусилова, Сахарова, адмирала Нелепина, в которых эти главнокомандующие просили Государя отречься от Престола. Колчак телеграмму не послал, но был с ними солидарен. Одновременно Рузский доложил Государю запись с ленты прямого провода: «Сообщение помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Клембовского генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта генералу Болдыреву.

«Известно ли Вам о прибытии сегодня конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех

офицеров, которые отказались принять участие в восстании» (в действительности это была нестроевая команда конвоя).

«Известно также о желании Государыни Императрицы переговорить с представителями исполнительного комитета Государственной Думы и, наконец, о желании Великого Князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с исполнительным комитетом. В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному правительству. Арестованы: Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович.

Исполнительный комитет Государственной Думы обратился к населению с воззванием возить хлеб, все продукты на станции железной дороги для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства.

Все изложенное нужно доложить Главнокомандующему для всеподданнейшего доклада».

После разговора Государя с Рузским, Государь вызвал к себе министра Двора графа Фредерикса. В свитском вагоне собрались лица Государевой Свиты и высказали опасение, что Государь может принимать решение на основании докладов «лисы» – так звали Рузского.

Когда Фредерикс вернулся, он сказал, что Государь подписал отречение. Воейков побежал в вагон Государя и спросил, правда ли это? – «Что мне оставалось делать? – сказал Государь, – все мне изменили, первый Николаша... Читайте» – и Государь передал пачку телеграмм. Государь сказал, что передал отречение Рузскому для отправки генералу Алексееву. Воейков просил Государя взять отречение обратно до приезда членов Государственной Думы, что Государь и сделал.

В 9 часов вечера прибыли делегаты, Гучков и Шульгин. Как только они вышли из вагона, их окружила собравшаяся публика и приветствовала криками «ура». Чиновник дворцовой канцелярии высказал своё возмущение, а стоявший около него комендант Пскова генерал Ушаков с самодовольной улыбкой сказал: «Нужно привыкать, теперь другие времена настали».

Оба делегата производили впечатление немых людей, были не бриты и в грязном крахмальном белье. Видимо они хотели понравиться своей неопрятностью делегатам совета Петроградских рабочих и солдатских депутатов, которые их сопровождали и ни на шаг их не оставляли до входа в Императорский поезд.

Делегаты вошли в вагон, где, кроме Государя, находились граф Фредерикс и генерал Нарышкин. Вскоре пришел Рузский. Входя, он недовольным голосом обратился к скороходу: «Всегда происходит путаница, когда не исполняют приказаний... ведь я ясно приказал направить депутатов прямо ко мне. Отчего это не сделано? Вечно не слушаются».

Гучков говорил ровно и спокойно, подробно описывал последние события в Петрограде. Государь спросил, что бы он считал желательным?

Спазмы сдавливали горло, и Государь поднес к нему руку. Со всех сторон раздались рыдания. Государь повернулся, пожал некоторым из близко стоявших руки, сокрушенный, с поникшей головой, ушел.

Свидание Великого Князя Михаила Александровича с членами Временного правительства состоялось на Миллионной улице, в квартире князя Путятин. На лестнице дома стоял караул офицеров от Преображенского полка.

Входя в квартиру, Милюков столкнулся с Великим Князем, который обратился к Милюкову с шутилой фразой: «А, что хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно!»

«Да, Ваше Высочество, очень спокойно править, соблюдая конституцию».

Родзянко занял председательское место и сказал вступительную речь, – мотивируя необходимость отказа от Престола. После него в том же духе говорил Керенский. Затем говорил Милюков. Он доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть – и, что она может быть сильной только тогда, когда опирается на символ власти привычный для масс. Таким символом служит Монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до Учредительного собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений. Стране грозит при этом потеря всякого сознания государственности и полная анархия.

За этими речами полился целый поток речей и все за отказ от Престола. Гучков защищал точку зрения Милюкова, но слабо и вяло. Затем Милюков опять получил слово. Он был под впечатлением вестей из Москвы. В Москве все спокойно и гарнизон сохраняет дисциплину. Милюков был поражен, что его противники вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию Великого Князя.

Милюков предлагал взять автомобиль и ехать в Москву, где найдется организованная сила для положительного решения Великого Князя. Он был уверен, что выход этот сравнительно безопасен. Но если он и опасен, то все-таки надо идти на риск: это единственный выход. Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового Императора, при нем же поставленного, чем к защите старого...

Но согласия не было. Керенский был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: «Ваше Высочество, Вы благородный человек. Я теперь везде буду говорить это».

Великий Князь все время молчавший попросил несколько минут на размышление. Уходя, он обратился к Родзянко, желая поговорить с ним наедине. Вернувшись, он сказал, что принимает предложение Родзянко. После этого он подошел к Милюкову и поблагодарил его за патриотизм.

Голгофа Царской Семьи

14-го августа 1917 года, в 6 часов утра, Царская Семья отправляется из Царского Села в направлении Тобольска.

17-го вечером прибывает на станцию Тюмень; через несколько часов узников направляют на пароход «Русь», по реке Тоболу.

19-го днём, после полудня – прибытие к месту ссылки, в Тобольск. Царская Семья остаётся на пароходе «Русь» в виду того, что дом, предназначенный для поселения в нем узников, ещё не подготовлен для этого.

26 августа – переезд с парохода в дом для губернатора. Свита, сопровождавшая Царскую Семью, поселилась в доме напротив. Узникам разрешено прогуливаться в небольшом городе в специально огороженном участке широкой пустой улицы. Их охраняют бывшие гвардейские стрелки, солдаты Царскосельского гарнизона, под командой полковника Кобылинского. В сентябре приезжают в Тобольск комиссар Временного правительства Панкратов и его помощник Никольский.

21 сентября, в праздник Рождества Богородицы, узникам разрешается в первый раз посетить церковь во время ранней обедни.

15-го ноября в Тобольске получено известие о свержении Временного правительства и захвате власти большевиками. Началось брожение среди солдат 2-го полка, охранявшего узников. Солдатский комитет не пропускает приехавшую из Петрограда, с разрешения Временного правительства, баронессу Буксгевден к Царской Семье, и она поселилась отдельно в городе.

24-го декабря Царская Семья после вечерни празднует Сочельник. На елке происходит раздача подарков. Императрица раздает служащим связанные Ею шерстяные жилеты.

25-го декабря, в день Рождества, во время богослужения в церкви, после возгласения многолетия Царской Семье, солдаты угрозами смерти требуют смещения священника, отца Васильева.

1-го (14-го) января, в день Нового Года, Царская Семья присутствует на обедне в церкви, где служит уже новый священник.

3-го января солдатский комитет гарнизона запрещает офицерам ношение погон.

5-го января, в 3 часа дня, в Крещенский Сочельник, новый священник впервые посещает Царскую Семью. Генерал Татищев и князь Долгорукий долго уговаривают возражающего Государя снять офицерские погоны.

6-го января в церкви, на обедне, Государь присутствует в черкеске, которая всегда носилась без погон. Наследник прикрывает свои погоны башлыком.

12-го января – день именин Великой Княжны Татьяны Николаевны. В солнечный день, на морозе 15 градусов, все заняты работой по постройке ледяной горы.

6-го февраля солдаты 2-го полка требуют смещения комиссара Панкратова и его помощника Никольского.

8-го Солдатский комитет постановляет произвести это смещение и востребовать нового комиссара из Москвы. Солдаты, несшие охрану, начинают самовольно ее покидать. Из Москвы получают предписание об усилении строгости режима для заключенных. В губернаторский дом переводят, объявив их арестованными, генерала Татищева, князя Долгорукова, графиню Гендрикову, Е.А. Шнейдер, англичанина-воспитателя Гиббса. На свободе оставлены только лейб-медик Е.С. Боткин и доктор Деревенко. Внезапное ухудшение в здоровье Наследника.

16-го апреля – обыск в губернаторском доме. Им руководил полковник Кобылинский. У Государя отбирают кавказский кинжал.

22-го апреля из Москвы прибывает комиссар Яковлев и на следующий день посещает Государя и Царскую Семью.

25-го апреля Яковлев объявляет Государю, что он приехал из Москвы, чтобы увести Его. Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна добиваются, чтобы им было разрешено сопровождать Государя. Царская Семья всю вторую половину дня проводит у постели больного Цесаревича. Вместе с Государем, Государыней и Великой Княжной собираются уезжать князь Долгорукий, лейб-медик Боткин, камердинер Чемадуров, камеристка Анна Демидова и выездной лакей Великих Княжен Седнев. В 11 часов ночи прощание отъезжающих с остающимися. Последние приготовления к отъезду. В 3 с половиной часа ночи отъезд в простых крестьянских повозках.

27-го апреля в 9 часов 30 минут вечера Государь и сопровождающие Его прибыли в Тюмень. В Тобольске получена записка Великой Княжны Марии: «Дороги изрыты, условия путешествия мучительные». Полученное через день письмо Государя о том же: «Путь был очень труден. Лошади в воде по грудь при переправах. Колеса много раз ломались...»

30-го апреля Государь и сопровождающие Его прибыли в Екатеринбург, и Яковлев сдает их под расписку Белобородову, председателю Уральского областного совета депутатов. Государь, Государыня и Великая Княжна заключены в доме Ипатьева; остальные – в тюрьму.

1-го мая. Наследник Цесаревич встал в первый раз с постели после болезни. Тревога среди оставшихся в Тобольске за судьбу увезенных, так как нет никаких сведений от них после приезда в Тюмень.

3-го мая полковник Кобылинский получает телеграмму о задержании Государя и сопровождавших Его в Екатеринбурге.

7-го мая в Тобольске получено первое письмо от Государя с коротким сообщением, что все здоровы.

11-го мая полковник Кобылинский смещен с поста коменданта в Тобольске. Заключение в губернаторском доме переданы в распоряжение совета депутатов. В Тобольск прибывает из Екатеринбурга с отрядом красногвардейцев комиссар Родионов.

19-го мая Родионов объявляет об отъезде на следующий день всех оставшихся заключенных в Тобольске.

20-го мая в 11 часов 30 минут утра – погрузка отъезжающих из Тобольска на пароход «Русь»; Родионов запирает Наследника в своей каюте; в 5 часов – отплывает пароход из Тобольска в Тюмень. Через несколько часов отправка последних по железной дороге в Екатеринбург.

23-го мая, в 9 часов утра, прибывшие в Екатеринбург Царские Дети, отдельно от сопровождавших их спутников, перевезены с поезда в заключение в «Дом Ипатьева».

С момента водворения, сначала Государя, Государыни и Великой Княжны Марии Николаевны, а затем и всей Царской Семьи в Екатеринбурге, в Ипатьевском Доме – жизнь Царственных Узников окутывается темной завесой тайны.

Пантеон Воинской Доблести и Чести.

Генерал от кавалерии В. А. Кислицын.

Керенский

*Зеркала в тиши печальной Зимнего Дворца
Отражают лик нахальный бритого лица.
Лик Царей благообразен и воспет в хвале,
Ты же просто Стенька Разин, бритый у Молэ.*

Мятлев.

Его внешний вид – некоторая франтоватость, бритое актерское лицо, почти постоянно прищуренные глаза, неприятная улыбка, как-то особенно обнажавшая верхний ряд зубов, – все это вместе взятое мало привлекало.

Несомненно, что с первых же дней душа его была «ушиблена» той ролью, которую история ему случайно, маленькому человеку – навязала, и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться.

Те, кто были на так называемом «Государственном Советании» в Большом Московском театре в августе 1917 года, конечно, не забыли выступления Керенского. То, что он говорил, не было спокойной и веской речью государственного человека, а сплошным истерическим воплем психопата, обуянного манией величия (В.Н. Набоков. Временное правительство. Архив Русской Революции).

«От меня требуют, чтобы сердце мое стало как камень. Меня хотят принудить вырвать из души и растоптать цветы души моей», – говорил он, и не успел он окончить эту фразу, как сверху, из ложи для публики, раздался истерический рыдающий женский голос «Нет, Александр Федорович, Вы этого никогда не сделаете, не надо!»

В «Предпарламенте» Керенский говорил свои речи, а навтыяжку стояли два офицера по бокам с обнаженными пашками.

«Мне была противна самоуверенность Керенского», – пишет генерал Краснов, – «и то, что он за все брался, и все умел. Когда он был министром юстиции, я молчал. Но когда Керенский стал военным и морским министром, все возмутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом берется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство одно из самых трудных искусств, потому что оно, помимо знаний, требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм не желателен, то в военном искусстве, он не допустим.

Керенский – полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукою и за то я презирал и ненавидел его.

Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь, уже близко? Я надеялся встретить его под Лугой?

Лицо со следами тяжелых бессонных ночей. Нездоровое лицо с белой кожей и опухшими красными глазами. Бритые усы и бритая борода, как у актера. Голова слишком большая для туловища. Френч, галифе, сапоги с гетрами – все это делало его похожим на штатского, вырядившегося на воскресную прогулку верхом. Смотрит пронизательно, прямо в глаза, будто ищет ответа в глубине души, а не в словах; фразы короткие и повелительные. Не сомневается в том, что сказано, то и исполнено. Но чувствуется какой-то нервный надрыв, ненормальность. Несмотря на повелительность тона и умышленную резкость манер, несмотря на это «генерал», которое сыплется в конце каждого вопроса – ничего величественного. Скорее – большое и жалкое. Как-то на одном любительском спектакле я слышал, как довольно талантливый молодой человек читал стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Вот такая же повелительность была

в словах этого плотного, среднего роста человека, чуть рыжеватого, одетого в защитное, бегающего по гостинной между столиком с допитыми чашками кофе, угловатыми диванчиками и пуфами, и вдруг останавливающегося против меня и дающего приказания или говорящего фразу, и казалось, что все это закончится безумным смехом, плачем, истерикой и диким криком: – «все васильки, красные, синие, в поле!»

Со встречным поездом из Петрограда прибыли офицеры. Сотник Карташов подробно докладывал генералу Краснову, как юнкера обороняли Зимний Дворец, о настроении гарнизона колеблющегося, не знающего, на чью сторону стать, держащего нейтралитет. В купе входит Керенский.

– Доложите мне поручик, – говорит он, – это очень интересно, – и протягивает руку Карташову. Тот вытягивается, стоит смиренно и не дает своей руки.

– Поручик, я подаю вам руку, – внушительно заявляет Керенский.

– Виноват, господин верховный главнокомандующий, – отчетливо говорит Карташов, – я не могу подать вам руки. Я Корниловец.

Краска заливает лицо Керенского. Он пожимается и выходит из купе.

– Взыщите с этого офицера – на ходу кидает он генералу Краснову.

Сзади из Гатчины подходит наш починенный броневик, за ним мчатся автомобили – это Керенский со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами.

– В чем дело, генерал? – отрывисто обращается он ко мне.

– Почему Вы ни о чем мне не доносили? Я сидел в Гатчине, ничего не зная.

– Доносить было не о чем, – сказал генерал Краснов. – Все торгуемся. И генерал Краснов докладывает ему обстановку.

Керенский в сильном нервном возбуждении. Глаза его горят. Дамы в автомобиле, их праздничный вид так неуместен здесь, где только что стреляли пушки. Я прошу Керенского уехать в Гатчину.

– Вы думаете, генерал? – щурясь, говорит Керенский. – Напротив, я поеду к ним. Я уговорю их.

Я приказываю Енисейской сотне сесть на лошадей и сопровождать Керенского, еду и сам.

Керенский врывается в толпу колеблющихся солдат, стоящих в двух верстах от Царского Села. Автомобиль останавливается. Керенский становится на сидение, и я опять слышу пронзительный, истерический голос. Осенний ветер схватывает слова и несет их в толпу, отрывистые, тусклые слова, уже никому не нужные, желтые, поблекшие, как осенние листья... Завоевание революции... Удар в спину... Немецкие наемники и предатели!..

Вечером из Ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. Он долго говорил с Керенским, потом пригласили Краснова. Краснов сказал Нисселю, что считает положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться Временному правительству силой. Ниссель выслушал Краснова, ничего не сказал и поспешно уехал. Ночью пришли тревожные телеграммы из Москвы и Смоленска. Там шли кровавые бои и резали офицеров и юнкеров. Ни один солдат не встал за Временное правительство.

Будучи окружены большевиками казаки требовали, по настоянию большевиков, выдачи Керенского большевикам.

– Мы приставим свой караул к нему, чтобы он не убежал, – говорили казаки.

– Хорошо, отдавайте, – сказал Краснов.

Когда они вышли, Краснов пошел к Керенскому. Он застал его смертельно бледным в дальней комнате его квартиры, в Гатчинском дворце. Он рассказал ему, что настало время, когда надо ему уйти. Двор был полон матросов и казаков, но дворец имел и другие выходы. Он указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

– Как не велика вина ваша перед Россией, – сказал Краснов Керенскому, – я не считаю себя вправе судить Вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.

Выйдя от Керенского, Краснов через надежных казаков устроил так, что караула долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он сбежал.

Арест

Теплый майский день в Кярово. Распускается сирень, яблони в цвету. Поют птицы. Приближается лето и природа торопится показать свои пышные наряды.

Отец, Шура и я возвращаемся домой из бани ужинать. Подходим домой. Странно, у подъезда стоит тройка лошадей. На веранде сидят в пальто незнакомые люди. Что-то кольнуло в сердце.

Незнакомые люди пристально смотрят на отца, отводят его в сторону и что-то шепчут. Отец говорит громко взволнованным голосом: «Я арестован, ищите, делайте обыск. Вот ключи от моего письменного стола».

Мне разрешили сопровождать отца. Мать prepares необходимое в дорогу, неизвестно на сколько времени.

Едем в Гдов на станцию. Звенит колокольчик почтовой тройки. По дороге отец разговорился с сопровождающими нас людьми. Оказывается, арестовал отца уездный комиссар с черными таракаными усами. Он бывший председатель земской управы. Оправдывается распоряжением из Петрограда за подписью министра юстиции Временного правительства.

Кучер гонит лошадей, чтобы успеть на поезд, но комиссар говорит, что он дал распоряжение на станцию задержать поезд в случае нашего запоздания.

Едва мы вошли в вагон, как поезд тронулся. Комиссар со своими людьми расположился в том же вагоне, но в соседнем купе.

Меня душат слезы и я разрыдался. Отец меня успокаивает и декларирует свое любимое стихотворение слепого поэта Козлова:

Большой Владимирской дорогой
В одежде ветхой и убогой,
С грудным младенцем на руках...

Мне особенно запомнились слова священника в этой поэме:

Неси с любовью крест тяжелый,
Не унывай, не смей роптать.
Терпи – в страданьи благодать.

Раннее утро. Пересадка в Нарве. Выходим на вокзал пить кофе. Сопровождающие держатся в стороне, но не спускают с нас глаз.

«Здравствуйте, граф. Вы тоже едете в Петроград узнать новости? Как вы думаете, изменится все к лучшему?» – спрашивает сосед, помещик фон Бок, седой, розовый, всегда веселый. У него 11 человек детей. Старший сын убит на войне. На его вопрос отец ничего не ответил и извинился тем, что мы не одни, с ним распрощались. Фон Бок удивленно посмотрел нам вслед.

Садимся опять в поезд и едем... Наконец Петроград. Комиссар сказался любезным и отпустил отца под честное слово до следующего утра. В 9 часов утра отец должен быть на Семеновском мосту.

Мы решили ехать к нашим знакомым, Озеровым. Звоним, дверь открывает Алексей Алексеевич Озеров. Он был один в квартире. Мать уехала на несколько дней. Он в специальном классе Пажееского корпуса и сдает выпускные экзамены в Правоведение. Он очень удивлен нашим расстроенным видом. Отец говорит, что он арестован и что он дал честное слово явиться завтра на условленное место.

«Граф, Вам надо, не теряя времени, ехать в Финляндию, через несколько часов Вы будете за границей и вне опасности».

«Я это сделать не могу, я дал честное слово: революционерам».

«Кому Вы дали честное слово: революционерам».

«Все равно, свое честное слово нарушить не могу».

Алексей Алексеевич уходит в соседнюю комнату и возвращается с расписанием поездов.

– Через три четверти часа отходит поезд, Вы еще успеете.

– Не будем больше говорить об этом. Я это сделать не могу. Чтобы рассеять тяжелое настроение, А.А. играет на рояли. Вскоре переходим в столовую. У них хороший Сэрвский фарфор. На нем горничная подает подгоревшую яичницу. Жиров мало и их трудно достать...

Мы долго разговариваем. Обсуждаем текущие события. В открытом окне обманчивый серебристый свет белой ночи и только по затихшему шуму столичного города можно догадаться, что уже очень поздно.

На следующее утро мы идем к Семеновскому мосту. Нас там уже ожидает комиссар. Нанимаем автомобиль и едем в «Кресты». Эта тюрьма известна своим строгим режимом, из нее еще никто не убежал.

Идем в тюремную канцелярию. Начальник тюрьмы в офицерской форме с солдатским Георгием. Отца уводят.

Еду на вокзал, чтобы вернуться в Кярово.

Петроград сильно изменился за то короткое время, что я его не видел. На улицах мало офицеров, зато много грязных и небрежно одетых солдат. Появилось много элегантно одетых штатских, новых кафе. На Невском нет былой сдержанности. Толпа громко смеется, жестикулирует, поплевывает семечки...

В нарядных магазинах исчезли многие товары.

Через месяц отца выпустили, сказав, что он был арестован как свидетель, все же с него взяли подписку о невыезде из Кярово.

В тюрьме отца навещал известный революционер Бурцев. Отец говорил, что он произвел на него хорошее впечатление.

Совет солдатских и рабочих депутатов постепенно стал забирать власть в свои руки.

Ленин из особняка Кшесинской готовил большевицкий переворот.

Большевицкий переворот

В начале сентября я вернулся в корпус, в 6-й класс. Корпус был переименован в Военную гимназию. Молодые офицеры-воспитатели стали подлаживаться к революционной обстановке. В корпус поступило много новых неизвестных людей. Все разваливалось.

Я написал родителям, что хотел бы оставить корпус.

В конце октября вечером, когда мы собирались ложиться спать, раздался сильный артиллерийский выстрел, задрожали стекла. Через некоторое время еще несколько выстрелов... Это крейсер «Аврора» обстреливал Петроград с Невы. На следующий день, 29-го октября, в «Кровавое воскресенье», с 8-ми часов утра началась осада Владимирского военного училища. Юнкера и женский ударный батальон отстреливались до 2-х часов дня. Артиллерийским огнем разбито не только Владимирское училище, но и соседние дома. Убиты и ранены дети и женщины.

С момента сдачи толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в развалины училища, началось кровавое побоище. Многие безоружные были заколоты штыками. Мертвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги. С мертвых снимали шинели и сапоги.

Оставшихся в живых повели под усиленным конвоем в Петропавловскую крепость, подвергая издевательствам и провожая ругательствами. Это было кровавое шествие на Голгофу, так как там их расстреливали сотнями, а сдавшихся юнкеров на городской телефонной станции выводили на улицу и здесь зверски убивали. Еще живых, с огнестрельными ранами, сбрасывали в Мойку, добивали о перила набережной и расстреливались в воде.

Вскоре появились стихи Вертинского:
Я не знаю, зачем и кому это надобно,
Кто послал их на смерть не дрожащей рукой,
Забросали их елками и засыпали грязью,
И пошли под шумок по домам толковать,
Что пора положить бы конец безобразию,
Что и так уже скоро начнем голодать.

Нас одели в солдатские шинели, так как юнкеров и кадет ловили и убивали на улицах.

Юрий Вуич, паж моего класса, не пришел на уроки (он был проходящий). Вечером его родители звонили в корпус, разыскивая его. Его труп нашли в Мойке: он был исколот штыками и обезображен. Как позднее выяснилось, произошло следующее: он вышел из дома, чтобы идти в корпус. На нем была солдатская шинель, а под ней рубашка с золотыми пажескими погонами. У подъезда он обменялся несколькими словами со швейцаром, критикуя современные порядки. Прохожий солдат подслушал разговор. Как только Вуич пошел от швейцара, солдат его остановил, дернул за ворот расстегнутой шинели и увидел золотой погон. Подошло еще несколько солдат и матросов. Вуич бросился бежать. Его нагнали и зверски убили.

Нужно бежать из Петрограда. Зашел за младшим братом Шурой в Александровский корпус. Вместе мы направились на вокзал.

Движение поездов по Балтийской линии прервано, так как казаки под командой генерала Краснова двигались из Гатчины на Петроград.

Идем на Варшавский вокзал, чтобы ехать окружным путем на Гдов.

По дороге встречаются на грузовиках солдаты и матросы, краса и гордость революции, с винтовками и пулеметными лентами через плечо...

Варшавский вокзал набит дезертирами, бегут с фронта. С трудом влезли в поезд. Висит густой махорочный дым и стоит отборная ругань. Проехав всю ночь, рано утром добираемся до станции Дно.

Весь пол вокзала заполнен лежащими дезертирами. Приходится ступать очень осторожно. Расписания поездов больше не существует. После долгих поисков находим на пути военный эшелон, он должен двигаться на Гдов. Влезли в вагон теплушки, забиваемся в угол и прикидываемся спящими, боимся, что по разговору узнают, что мы не солдаты.

Через несколько часов поезд трогается. Сильный мороз, наверное, градусов 20°C. Как только мы проехали вокзал, началась беспорядочная ружейная стрельба. Поезд замедлил ход. Из нашего вагона выскочило несколько солдат, на ходу заряжая винтовки. Поезд остановился, стрельба прекратилась, вернулись солдаты из нашего вагона и стали рассказывать, что в одном из вагонов нашли переодетого юнкера: в его вещах нашли погоны и документы. Он выпрыгнул из вагона, но его солдаты догнали и пристрелили.

Нам стало страшно... Сильный мороз, замерзают уши и ноги...

Наконец, ночью мы приезжаем в Псков. Садимся в поезд на Гдов и на другой день, утром, мы дома. Здесь еще не знают о большевицком перевороте.

Коля дома, вернулся с фронта, так как солдатский комитет выразил офицерам недоверие...

Во власти ЧК

*С Россией кончено... На последних
Ее мы проглядели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на разных площадях,
Распродали на улицах: не надоль
Кому земли, республик да свободу,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок нагноюще, как пададь.
О, Господи! Разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.*

Максимилиан Волошин

1918 год. По России гуляют большевики, разрушая буржуазные предрассудки, заборы, произведения искусств и многое другое.

Партия большевиков даровала России свободу, учредили ЧК, которая заливает всю страну невинной кровью для блага человечества и обещает это всему миру: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Мир – хижинам, война – дворцам». Религия объявлена опиумом для народа.

В селе Коломенском под Москвой, в день отречения Государя, явлена была новая икона Божьей Матери, названная Державной. Эта икона, найденная среди рухляди и пыли в подвале, по указаниям одной глубоко верующей богобоязненной женщины, получившей троекратное видение во сне – представляла собой огромную, узкую темную икону Божьей Матери в красной царской порфире, с короной на голове, со скипетром и державой Российских Государей, восседающих на престоле. Через несколько месяцев, икона сама собой чудесно обновилась и стала светлой и ясной. Необычно для изображения лика Богоматери строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами гнева и любви. Порфира Ее пропитана мученической кровью, и Царская корона сверкает алмазами невинных слез.

Понял русский народ чудное пророческое знамение: покаянные молитвы к «Державной Божьей Матери» стали возноситься по всей России, а сама икона, в бесчисленных копиях стала украшать русские храмы. Появился дивный акафист этой иконе, слушая который, вся церковь падала на колени. Богоборческая власть не могла, конечно, оставаться равнодушной к такой «религиозной пропаганде»! И начала жестоко преследовать всех почитателей этой иконы. Акафисты были запрещены, сама икона была изъята из всех церквей, а составители службы и канона расстреляны.

В Кярово приехали солдаты без офицеров. Они сказали, что принадлежат к воздухоплавательным частям и будут вести наблюдение за противником с аэростатов. Они заняли нижний этаж дома, разложили солому на полу и на ней валялись. Разбили в библиотеке книжные шкафы и растапливали книгами печи. По утрам они выходили с винтовками в парк и стреляли, во что попало: в птиц, в деревья, в купол и крест церкви. В это время было опасно выходить из дома. Мы боялись также, что они сожгут дом, но все обошлось благополучно: через месяц они также внезапно исчезли, как и появились.

Немецкие войска заняли Псков. По шоссе на Нарву отступают, или вернее бегут, остатки когда-то доблестной русской армии. Все шоссе запружено конными, пешими, повозками. Среди убегающих, попадают солдаты в синих гусарских венгерках: они по дороге разграбили интендантские склады и приоделись. Вдоль шоссе валяются тощие трупы загнанных лошадей, вокруг которых собираются вороны. Торчат повозки со сломанными колесами. Солдаты меняют крестьянам за продукты или водку винтовки, пулеметы, швейные машины, снимают часы, которые они, очевидно, захватили при отступлении из Пскова.

Боясь, что отступающие солдаты займут водочный завод, администрация Гдова спешно уничтожила запасы водки и вина, вылив их в канавы. Народ об этом узнал и стал черпать ведрами из канавы талый снег, смешанный с грязью и водой. Некоторые просто лакали из канав и, опьянев, тут же валялись. Отступление войск по шоссе продолжалось несколько дней. Боясь нападения солдат на усадьбу, Коля, я, сын священника и сторож Василий, по ночам с ружьями обходили вокруг дома и церкви.

Как-то пришёл из города Игнат. Он был приказчиком у отца до революции. Прослужив в нашем доме лет 20, он после большевицкого переворота от нас ушел и стал доверенным лицом советской власти. Он рассказал, что был на митинге в городе. Из Петрограда приехали партийные рабочие. Во время митинга кто-то крикнул, что в Кярове много оружия и контр-революционеры. Народ решил идти, чтобы с нами расправиться. Игнат нам советует бежать, так как через час они будут здесь. Куда бежать? Решили никуда не бежать, а ждать, что будет. Мы, братья, приготовили охотничьи ружья, револьверы. Отец сел в кресло и открыл Евангелие. Следим за дорогой... Проходит час, два, наступает вечер... Все спокойно. Расходимся спать...

Наш священник отец Константин Модестов дал нам послание недавно избранного Патриарха Тихона:

«Смиранный Тихон, Божьей милостью Патриарх Московский и вся России возлюбленным о Христе Господе Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

Тяжелое время переживает нынче Святая Православная Церковь Христова на Русской земле. Явные и тайные враги воздвигли гонение на Истину Христову и стреляют в толпу, чтобы погубить дело Христово, посеяв вместо любви христианской семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Жесточайшее гонение воздвигнуто на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз, семью христианскую, открыто объявляются ненужными. Святые храмы подвергаются разрушению или ограблению и кощунственному осквернению, чтимые народом святые расхвываются безбожными властителями тьмы века сего, школы, содержащиеся на средства православной церкви и училища, подготовлявшие пастырей Церкви, признаются излишними, имущество монастырей и церквей православных отбирается. Где же предел этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов ненависти? Все сие преисполняет сердце наше глубоко болезненной скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения по заветы Апостолов: «Согрешающих перед всеми обличай, да и прочие страх имут».

Опомнитесь безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокосердное дело; это дело по истине сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной.

Властью данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если вы еще носите имена христианские хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем всех вас верных чад Православной Церкви Христовой не вступать с таковыми извергами рода человеческого ни в какое-либо общение: «Измите злого от вас самих».

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, и противустаньте им силою веры вашей. А если нужно будет пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви на эти страдания вместе с собой словами апостола: «Кто разлучит вас от любви Божией. Смерть или теснота, или гонения, или глад, или нагота, или беда, или меч». А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, ныне с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту Церкви Православной, зовите их становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего исповедания. И мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно упования Самого Божественного Крестonosца: Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Ее».

*Тихон, Патриарх Московский и всея России.
19 января 1918 года».*

Стали распространяться брошюры доказывающие, что Бога нет. В них все объяснялось очень просто: самозарождением, химическими процессами и колебанием мельчайших частиц. «Человек сознательно разрушает чудную гармонию, дарованную ему Творцом, – подумал я, – и называет ее иллюзией, а взамен создает себе новый мир из колеблющихся волн, бесцветных и беззвучных. Счастливее ли он будет в этом новом мире?»

Из Петрограда приехал делегат деревни Смуравьево и сделал доклад. Я пошел послушать. Он рассказывал, что виден на съезде самого Карла Маркса. На мое замечание, что Карл Маркс давно умер, он посмотрел на меня подозрительно и ответил, что этого быть не может, так как он его видел таким же на портрете, с бородкой, и что он говорит очень дельно. О чем говорил Маркс, он так и не рассказал. Другой крестьянин говорил, что он доволен новыми порядками: «Землицы у нас теперь прибавилось, только пропаганд всяких много развелось».

Газета «Правда» на плохой серо-желтой бумаге печатает длинные списки расстрелянных, а в июле появилось следующее сообщение, потрясшее нас до глубины души:

«В последние дни столице красного Урала, Екатеринбург, угрожала опасность приближения чехословацких банд. В тоже время был раскрыт заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств, Президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение 16-го июля.

Жена и сын Николая отправлены в надежное место. Всероссийский ЦИК советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в лице своего президиума одобряет действия президиума Областного Совета Урала.

*Москва 18.7.18.
Председатель ЦИК Яков Свердлов».*

В Москве эсеры организовали убийство немецкого посла графа Мирбаха, а через несколько часов после убийства появились живописные группы конных матросов, увешанных ручными гранатами. Это были матросы отряда Попова, прибывшего в Москву и расположившегося отрядом недалеко от Кремля, в особняке Морозова. Матросы имели несколько броневиков. Они перекопали улицу и устроили баррикаду из вывороченных камней и оказавшихся поблизости повозок. Ночью отряд Попова занял главный почтамт и оттуда разослал телеграммы «всем, всем, всем» о том, что большевики свергнуты и образовано эсеровское правительство... Революционно-настроенная красноармейская и рабочая масса была сбита с толку и не знала, на чью сторону встать. Красноармейцы Покровских казарм, оказавшихся в непосредственной близости от центра восстания, выставили караулы для охраны казарм и

объявили нейтралитет. Среди них ходил слух, что «братишки пымали Троцкого, им осталось только захватить Ленина». Основанием этому слуху послужил, наверное, арест Дзержинского.

Матросы были уже готовы начать атаку Кремля. В этот момент единственной вооруженной силой, выступившей без колебания на защиту советского правительства, оказался латышский полк, под командой Вацетиса, и батарея старой латышской полевой артиллерии.

Утром следующего дня Вацетис повёл наступление из Кремля на матросов и с помощью своей батареи, выбил отряд Попова из Трехсвятительского переулка. Матросы не обнаружили особого упорства в бою, и, выбитые из своей крепости, бежали из Москвы.

В Кярово назначен комиссар: парень лет 25 из дальней деревни. Он женился на нашей бывшей прислуге и зажил помещиком, заняв лучшие комнаты в доме. Мы ему передали ключи от всех хозяйственных построек и получили 2 десятины земли на всю нашу семью. Землю мы должны были обрабатывать.

Наступила осень. Мы занимаем четыре комнаты в верхнем этаже. По вечерам сидим со свечами, так как нельзя достать керосина. Под окнами завывают совы, да ледяной ветер громко колотит ветви старого дуба.

Церковный сторож Василий пришёл взволнованный и сказал, что он уходит из сторожки и не будет больше сторожить церковь. Объяснить причину он в этот вечер не захотел.

Через несколько дней, успокоившись, он рассказал следующее: «В темную ночь я, как обычно, вышел из моей сторожки с ружьём, чтобы обойти вокруг церкви и убедиться, что все в порядке. Я очень испугался, когда увидел, что дверь в церковь широко открыта. Я спрятался за дерево, взвёл курок ружья и стал ждать. Очень скоро я увидел три фигуры. Они прошли мимо меня совсем близко и направились в церковь. В первой я опознал Вашего прадеда в генеральской форме, второй, сдаётся, был Ваш дед, а третий – Ваш отец, я его хорошо видел. Как только фигуры вошли в церковь, дверь сама закрылась. Я так испугался, что просидел до утра со светом...»

Было холодно, не было дров, мы пили чай из брусничных листьев. Отец сидел за столом в шубе и рассказывал сон, который он видел в эту ночь: «Между большим дубом и церковью я искал клад. Вдруг лопата зазвенела. Я стал копать глубже и вытащил большой крест. После этого пришли какие-то странные люди: у них на рукавах были белые кресты».

В деревне Смуравьёво были расклеены объявления о всеобщей мобилизации в Красную армию. Старший брат Коля подходил годами. После долгих обсуждений, было решено, что он пойдёт в город и узнает, в чем дело. Он вернулся к вечеру очень взволнованный результатом. Как только он пришел в указанное место, его освидетельствовал доктор и признал годным. После этого он очутился перед комиссией, которая стала вносить его в списки. Тогда он сказал: «В объявлении вы призываете рабоче-крестьянское население, а я сын помещика и гвардейский офицер. Подлежу ли я мобилизации?» Члены комиссии удивленно переглянулись и сказали, что, конечно, он не подлежит и может идти».

Рано утром отец с Колей уехали в Гдов и должны были вернуться к обеду. К обеду они не вернулись. Наступил вечер, и нас охватило беспокойство. Не случилось ли чего?

Наконец доносится лай собак на дороге, их заглушает Полкан, наш любимец. Слышен знакомый стук колес. Но лай собак, как обычно бывает при приближении хозяина, на этот раз не сменяется радостным визгом: собаки продолжают ожесточенно лаять. Коляска остановилась у подъезда. Слышен стук сапог по лестнице и, наконец, стук кулака в запертую дверь. Открываю... на меня направлены дула винтовок. – «По распоряжению ЧК мы производим обыск! Оружие есть? Указать немедленно всех находящихся в доме!»

Мать, сестер и Шуру собирают в одну комнату и ставят двух часовых, а я с остальными четырьмя иду по всему дому. Чекисты обыскивают весь дом. От них пахнет спиртом. Они были очень довольны, найдя несколько золотых монет. Сейчас же спрятали их в карман и выдали расписку.

Обыск закончили около 3-х часов ночи. Собрали много обвинительного материала: револьверы, маузер и браунинг брата, австрийский карабин, охотничьи ружья, немецкую каску, по их мнению, доказательство сношения с немцами. Забрали много старых писем и мои записки по химии, в которых они собирались обнаружить тайный шифр.

Узнаем, что отец и Коля арестованы и заключены в Гдовскую тюрьму.

Уже третий месяц как отец и брат в тюрьме. Я каждый день ношу им обед в тюрьму. Чтобы получить разрешение на передачу обеда нужно каждый день ждать по несколько часов в передней ЧК. Помещение очень грязное, не подметается, не проветривается.

Во главе ЧК стоит революционная тройка, ее прислали из Петрограда, чтобы углублять террор и укреплять революцию.

Председатель ЧК товарищ Образцов – бывший студент. Он похож на Керенского: военный френч, прическа ежиком, бритое лицо в прыщах. Неподвижные оловянные глаза, много говорит, пахнет от него аптекой, очевидно кокаинист.

Его помощник Данилов – это псевдоним, его настоящая фамилия Блохин и он уголовный. У него красное лицо, рыжие волосы и маленькие злые, налитые глаза. Он носит офицерский строевой китель, походные ремни, через плечо, револьвер в кобуре и кортик. На голове белая папаха с красной звездой. От него пахнет самогоном. Последний член тройки Трофимов, рабочий Путиловского завода. На правой руке у него недостает указательного пальца. Под ногтями грязь. Он носит затасканную солдатскую шинель и засаленную от грязи папаху. Он говорит односложно и от него пахнет кислой капустой.

В прихожей вместе с другими красноармейцами сидит мальчик лет 12-ти с карабином в руках. Говорят, он участвует в расстрелах и чекисты его ценят.

На мои вопросы, в каком положении дело отца и брата, они мне ничего не отвечают, и я перестаю задавать бесполезные вопросы.

Отцу 65 лет, он страшно исхудал. С ним постоянно Евангелие, он осознает, что его не оставят живым; иногда вспыхивает надежда... Его удалось перевести в больницу. У дверей палаты сидит караульный с винтовкой. С отцом в комнате лежит белый партизан, раненный в ногу и взятый в плен. Ему уже сообщён приговор – расстрел, когда рана заживет. Рана долго не заживает, он её растревливает.

С братом иногда разговариваю через решётку тюремного окна, если часовой позволяет. Это окно выходит на улицу.

Был вечер, в больнице у дверей, сидя на табуретке, дремал красноармеец.

«Я видел странный сон» – говорит отец, лежа в плохо проветриваемой палате на грязных простынях с папиросой, скрученной из оберточной бумаги. – «Я пришел на станционный буфет во время остановки поезда. Был полумрак. Подхожу к стойке, хочу закусить. Вижу, стоит покойный брат Мануша, а на блюдах лежат человеческие ноги».

Тридцатое января (старого стиля), сильный мороз, но солнце светит ярко. Я отправился, как обычно, около 11 часов в город и был очень удивлен, когда в ЧК мне предложили свидание с отцом. В больнице мне сказали, что сегодня неожиданно отца отправляют обратно в тюрьму.

Последнее свидание продолжалось минут 20 в тюремном дворе. Отца поместили в одиночную камеру, и он знал, что это его последние часы. «*Ze dernin Jour d'un condamne*», – сказал он, – «звери, что они со стариком делают».

Прощаясь, отец меня благословил в последний раз. Тюремный сторож всё время торопил.

Из тюрьмы я отправился к нашим городским знакомым, они встречались с комиссаром Никитиным. Меня там успокоили, сказав, что этой ночью ничего не будет, так как вышел декрет: все расстрелы должны быть санкционированы в Петрограде.

Успокоенный, я поздно вечером отправился домой. Сильный мороз, снег скрипит под ногами... Ночь... Ярко горят звёзды... Город давно позади... Кругом лес... Ни живой души... Над лесом на небе появился свет... Наверное пожар... Свет становится ярче, появляются лучи,

они медленно передвигаются и окрашиваются то в бледно-зеленый, то в малиновый – северное сияние. Я его вижу в первый раз, становится жутко...

Дома рассказываю о случившемся. Мы решаем с матерью рано утром идти в деревню и просить крестьян идти в ЧК, чтобы требовать приостановление смертного приговора над отцом и братом. С крестьянами мы жили хорошо, они от отца, кроме добра, ничего не видели.

Разбитый и усталый я засыпаю... Просыпаюсь от грохота... Катится из спальни отца большой шар. Хотя его и не видно, но по звуку ясно слышу, что это шар. Он катится через все жилые комнаты и в последней, где спит мать, он с треском лопается... Мать, брат и сестра тоже проснулись... Мать громко молится... Два часа ночи... Наступает полная тишина... У всех чувство, что отца в эту минуту не стало.

Рано утром на следующий день, получив у нашего комиссара лошадь мы с матерью отправились в деревню Смуравьёво. Крестьяне нам очень сочувствовали и решили идти всей деревней в город, чтобы требовать, как представители народа, освобождения отца и брата. Лошадь, окружённая крестьянами, двигалась шагом.

Приехав в город, мы с матерью отправляемся к знакомым, а крестьяне идут в ЧК. У знакомых мы узнаем, что отца расстреляли этой ночью в 2 часа... С матерью обморок... Приводим ее в чувство. В тюрьме тюремный сторож передает Евангелие и плед отца. За вознаграждение кладбищенский сторож указывает место, где закопано тело отца... Капли крови на мелких льдинках... Дует холодный ветер, лошадь поджала хвост и опустила голову... Начинает падать снег. Мы стоим на коленях и молимся...

Крестьяне бежали из ЧК, так как им пригрозили чекисты расстрелом за контрреволюцию. Выдать тело отца для похорон тоже отказали.

При свидании с братом узнаю: он заснул и во сне видел, что отец ходит по тюремной стене в дворянском мундире. Проснулся от выстрелов... На следующий день его вызвали на допрос. В кабинете председателя ЧК собралась вся тройка. Они были судьями и палачами. Брату предложили сесть и закурить. «Не хотите ли чаю? Мы Вас пригласили, чтобы сообщить, что этой ночью Ваш отец расстрелян, нас интересует узнать, какое впечатление это произведет на Вас?» Молчание... «Есть ли у Вас какие-нибудь вопросы?» «Да, я три месяца в тюрьме и мне до сих пор не предъявлено никакого обвинения». «Ваше дело уже закончено и Вас на днях расстреляют. Конвойные везут его в тюрьму. При попытке бегства колите штыками, понятно?» В этом заключался весь допрос.

Медленно ползет время... пустота... Иногда кто-нибудь на рояле играет новую песню Вергинского:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Никого теперь не надо Вам,
Никого теперь не жаль...

Петроград

Решили ехать в Петроград и добиваться, пока не поздно, освобождения брата. Пишу прошение и собираю подписи крестьян.

Приезжаю в Петроград рано утром в начале февраля 1919 года. Я одет в кожаную куртку, смазные сапоги, на голове крестьянская меховая шапка, а за плечами мешок. В нем хлеб, сало и картошка. Не видно ни трамваев, ни извозчиков. Изредка проносятся на лихачах военные в щегольских кавалерийских шинелях, с красными звездами на фуражках. Окна и двери Гостиного Двора заколочены досками. Магазины не торгуют. На улицах закутанные в тряпье женщины и мужчины, одетые в остатки военной формы, меняют на хлеб кусочки сахара, папиросы и предметы домашнего обихода. Все это разложено на грязной бумаге на тротуаре.

Я разыскиваю знакомых. Двери парадного хода закрыты, нужно идти через черный ход. Из некоторых квартир выносят мебель. Звонки не действуют. Стучу в дверь. Слышу, кто-то тихо подходит к двери, не открывает, видимо боится...

После долгих скитаний по городу, наконец, нахожу в бывших меблированных комнатах кровать, на которой мне позволили переночевать за кусок сала. Отправляюсь в ЧК на Гороховую улицу. У входа часовые с пулеметными лентами через плечо и ручными гранатами на поясе. Вхожу... Небольшая полутемная комната. У одной стены что-то вроде прилавка. Возле него худая женщина в черном. За прилавком кто-то роется в бумагах. Женщина держит в руках пачку папирос и, как я понимаю, просит передать ее заключенному, может быть мужу. Просматривающий длинные списки человек обрадовался, наконец нашел имя, которое, видимо, долго искал – вчера расстрелян.

Спрашиваю, кому могу передать прошение об освобождении брата.

«В комиссариат юстиции на Литейном». Иду на Литейный. Широкая мраморная лестница очень грязна и заплевана. Вхожу в первую большую комнату. Несколько девиц в пальто стучат на пишущих машинках. Красные пальцы окоченели от холода и медленно выстукивают буквы. На полу груды бумаг. Я рассказываю, что привез прошение. Одна из девиц, не дослушав меня до конца, вырывает у меня из рук прошение и кладет его в общую кучу бумаг. – «Могу ли я получить расписку?» – спрашиваю я. – «Никаких расписок мы не выдаем», – отвечает она злобно. Этим дело и кончилось.

Уезжая из Кярова, я получил письмо от крестьянина нашей деревни к его родственнику, Петроградскому рабочему «видному члену партии», как он мне сказал. Он живет на Васильевском острове. Попробую его разыскать. Выхожу на улицу. Стало совсем темно и пусто... Огромный город как будто вымер. Изредка только некоторые фонари освещают улицу тусклым светом. Сильный мороз. Иногда порывы ветра кружат сухой снег... Подхожу к набережной, слышу только свои собственные шаги... жутко и холодно... Вдруг совсем близко раздались беспорядочные выстрелы и затрещал пулемёт. Прижимаюсь к стене и выжидаю. Стрельба прекратилась. Опять полная тишина... Иду дальше... Слышу, сзади шаги догоняют меня... Останавливаюсь. Шагов не слышно... Продолжаю быстро идти... Опять шаги. Быстро оборачиваюсь. Вижу женщину... Испуганным голосом она говорит, что ей нужно идти через мост. Одной очень страшно и она просит ее не оставлять. Идем вместе, она успокоилась, и мне стало веселее. Я довожу её до дома и ищу нужный мне адрес. Наконец нахожу. Вхожу по узкой и крутой лестнице... Стучу. Дверь приоткрывается. Я говорю, что привез письмо, передаю его и говорю от кого... После долгих расспросов, наконец, меня впускают в жарко натопленную комнату. Тут же плита, на которой хозяйка готовит блины. Около нее маленькие дети. Хозяин, типичный фабричный рабочий, читает письмо и, видимо, озадачен: не знает как себя вести со мной, как с врагом народа или как с гостем? Осмотрев мои грязные сапоги, кожаную куртку, крестьянскую шапку, он, после небольшого предисловия о победе большевицкой партии и о

будущей счастливой жизни, превратился в доброго русского человека. Угощает блинами, хватая, что у него много всяких продуктов. Тускло горит керосиновая лампа. Он хочет помочь в моем деле, спрашивает, кто у нас председатель ЧК и пишет ему письмо. Непривычные пальцы с трудом управляют пером. Наконец письмо готово. Он мне его передает. Я ухожу. Добираюсь без приключений до места моей ночевки. Вхожу в ледяную комнату и ложусь одетым в грязную кровать. Через тонкую стенку слышна гармонь, пьяное пение и женские взвизгивания. Просыпаюсь ночью от холода, слышу ту же музыку...

На другой день после тщетных розысков знакомых и подозрительных взглядов, встречавших и провожавших меня, я вечером пришел на вокзал, чтобы ехать домой. Тусклые лампы освещают три длинных очереди. Одна из них выходит на улицу. Узнаю, нужно сперва получить разрешение из ЧК на выезд из города. Его получить трудно. Это разрешение проверяют на вокзале и ставят на нём печать для продажи билета. Это самая длинная очередь. Вторая для продажи билета, а третья для выхода на перрон.

Становлюсь в очередь для выхода на перрон. Два часовых у выхода и полутьма. Внезапно приходит мысль: складываю пополам керенку (20 рублей), в таком виде она размером и цветом похожа на билет. Часовые заняты разговором, они кивают головой, и я ухожу на перрон. Стоя в коридоре переполненного поезда, я добираюсь через Псков домой.

Набег

Для людей, упорно отворачивающихся от Бога, чудес нет, потому что ум их всегда умеет найти доводы в пользу отрицания чуда. Но люди, нуждающиеся в благодатной помощи Божьей, ухватываются за чудо и приходят к вере или укрепляются в ней.

Ф.М. Достоевский «Великий Инквизитор».

Письмо, которое я привез из Петрограда и передал председателю ЧК, видимо имело значение. Брата не расстреляли. Когда я возвращался из Гдова после свидания с братом, меня догнал верхом председатель ЧК Образцов. Он остановил лошадь, вежливо со мной поздоровался и сказал: «Вы, наверное, устали? Садитесь на круп моей лошади, я Вас подвезу». Он продолжал настаивать. Боясь, что мой отказ может повлиять на судьбу брата, я влез на лошадь. «Вы меня, наверное, очень ненавидите?» Я промолчал. Тогда он отстегнул кобуру револьвера, который у него висел сбоку, почти на спине. «Застрелите меня». Я удивился и отказался. «Нет, я вас очень прошу меня застрелить». Я просил его остановить лошадь, чтобы я мог слезть. Как только я слез, он дал шпоры лошади и помчался галопом.

Однажды вечером в Кярово приезжал незнакомый священник из дальнего села Крапивно. Он слышал, что брат в тюрьме и просил ему передать акафист Николаю Чудотворцу. «Пусть Ваш брат его внимательно прочтет и Святой Николай ему поможет». Он пробыл у нас очень недолго, так как торопился домой. Ему еще надо было проехать 20 верст, и ночевать у нас он отказался.

На следующий день я исполнил желание священника и передал брату акафист.

Чувствуется приближение весны: снег тает на солнце, и дни становятся длиннее. Природа подчиняется своим законам. Пробуждается после суровой северной зимы. Как обычно, надеваю через плечо сумку с обедом для брата и иду в город.

Подходя к деревне Смуравьёво, встречаю крестьянина. «Возвращайтесь сейчас же домой! В городе белые, а в деревне красные, они никого не пропускают». Возвращаюсь и рассказываю новости... темнеет... Решаюсь опять идти... На дороге встречаю сына священника. Он служит в советском учреждении и возвращается из города. Рассказывает, как привезли убитого своим братом красноармейца... Белые ушли из города... Брат бежал из тюрьмы. Говорят, что его настигла погоня на озере, и он убит. Как я позднее узнал, все произошло следующим образом: получив от меня акафист, брат его вечером внимательно прочел и вскоре заснул, не прислушиваясь к ночным шагам по коридору и к звукам выволакиваемых из камер для расстрелов. Заключенные называли это – советские ангелы прилетели.

На рассвете брат проснулся от выстрелов около тюрьмы. Когда он влез на окно, то увидел, что часового больше нет у окна, а вблизи стоят солдаты и офицер в погонах. Он разбил окно и стал кричать через решетку. Вскоре послышались шаги в коридоре, зазвенели ключи, открылись двери. Несколько офицеров вошли в камеру. Брат представился полковнику в черной черкеске, как оказалось Булак-Балаховичу, начальнику отряда.

Булак-Балахович (в центре) со своими офицерами.

«Мне нужны офицеры, я получил сообщение, что к городу подходит красный бронированный поезд, возьмите пленных красных и идите с ними к железнодорожному мосту, это в двух верстах от города. С Вами пойдет прапорщик Апарнек, подрывник. Взорвите поезд и пришлите мне донесение».

«Слушаюсь Г-н Полковник. В 8 верстах, в имении Кярово находится моя мать, сестра и два брата. Я беспокоюсь за их судьбу».

«Вам не надо беспокоиться, я сейчас дам распоряжение послать за ними бронированный автомобиль и их привезти».

Успокоившись за нашу судьбу, брат собрал пленных, разбил их по взводам, назначил унтер-офицеров и повел к мосту.

Под мост подложили взрывчатое вещество и стали ждать поезда. Ждать долго не пришлось, из леса показался белый дымок паровоза... Поезд стал вползать на мост... Раздался взрыв... Треск... клубы дыма... Паровоз успел дать задний ход и поезд отошел назад. Началась перестрелка... Появились раненные... Их отправляли в городскую больницу... Во время боя Балаховичу посылались донесения, но никто из посланных не возвращался назад. От Балаховича не было никаких приказаний. Бывшие пленные стали разбегаться. Тогда прапорщик предложил брату пойти в город, чтобы выяснить обстановку. Когда они пришли в город, то там уже не было белых. Кое-где появились красноармейцы. Долго размышлять не приходилось, нужно было спасаться. Без дорог, по глубокому снегу, они пошли к озеру. Винтовки мешали, они их бросили. Наконец, добрались до деревни. Вошли в первую избу и приказали немедленно запрягать лошадь. Старик хозяин стал нехотя запрягать свою клячу в крестьянские сани. Он наложил в них сена и долго искал свои рукавицы.

Наконец, тронулись. Кроме белой пелены снега, кругом ничего не было видно.

Вдруг на горизонте появились какие-то точки. Приближаясь, они стали постепенно увеличиваться. Это погоня – десять всадников. Двое вырываются вперед и стреляют с лошадей по саням. Пули ложатся по сторонам, оставляя бороздки в снегу. Прапорщик струсил. У него револьвер маузер с тремя патронами. Он спрашивает брата, хорошо ли он стреляет? «Без промаха» – говорит брат, решив живым не сдаваться.

«Сдавайся, белогвардейская сволочь», – кричит красноармеец, целясь из винтовки в брата в 15 шагах. Возница остановил свою лошадь и плачет. Брат соскочил с саней, и держит руку с револьвером за бортом шинели. Он видит направленное на него дуло винтовки и ждет выстрела. Красноармеец почему-то не стреляет. Брат поднимает свой револьвер и стреляет во всадника, целясь ему в грудь. Он падает с лошади... Брат стреляет во второго, но неудачно. Тот, видя, что он один против двух, соскакивает с лошади, нагибаясь, бежит к своим. Лошади всадников подходят к саням и начинают, есть сено. Брат берет винтовку умирающего красноармейца, который его просит: «Не стреляй, товарищ, я такой же мобилизованный, как и ты». Быстро вскочив на лошадей красноармейцев, брат и прапорщик пускают их в галоп. Погоня отстает и вскоре преследующие становятся уже невидимыми. Отъехав ещё несколько вёрст, они решают дать отдых лошадям. Брат осматривает доставшуюся ему винтовку. Открывает затвор. Винтовка пуста, в ней нет патронов. Преследуя беглецов, красноармеец расстрелял всю обойму. Когда он целился в брата, в винтовке не было больше патронов.

Проехав верст 30, они догнали опять Балаховича. Балахович был рад и удивлён их видеть. На город был произведен просто набег. Всего в отряде было 120 человек и 2 пулемета. Проехав озеро по льду на санях ночью, отряд с рассветом ворвался в город, обстрелял из пулеметов ЧК и казарму.

В городе был гарнизон из 700 красных, но все так испугались, что бросились бежать, кто куда мог. Чекисты спрятались на кладбище. Пробыв 2 часа в городе, освободив заключенных из тюрьмы, захватив деньги из казначейства, нагрузив подводы продовольствием и военным снаряжением и оставив заслон из пленных под командой брата, Балахович ушел той же дорогой, пожертвовав братом и прапорщиком, которым все-таки удалось спастись.

Во время перестрелки в Гдове был убит комиссар Никитин. Его убил прапорщик Апарнек и взял у убитого маузер, тот самый, который спас жизнь брату и который оказался револьвером, отобранном у нас при обыске. Брат его узнал по вырезанной букве «К» на рукоятке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.